

УТВЕРЖДАЮ

Проректор – начальник Управления
научной политики и организации
научных исследований

МГУ имени М. В. Ломоносова
Доктор физико-математических наук, профессор
/А. А. Федянин/
«12» мая 2018 г.

ОТЗЫВ

на диссертацию Арсения Анатольевича Ветушко-Калевича «Новолатинская литература Швеции: Юхан Видекинд и его источники», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Диссертация А.А. Ветушко-Калевича посвящена исследованию «Истории десятилетней шведско-московитской войны» Юхана Видекинда, главного литературного источника, связанного с Ингерманландской войной и Столбовским миром. Хотя анализируемое произведение было издано в 2000 г. в русском переводе с комментарием, автор диссертационного исследования не только исправляет многочисленные неточности, имеющиеся в этом издании, но и ставит принципиально новую задачу – соотнести шведскую (1671 г.) и латинскую (1672 г.) версии сочинения Видекинда, а также имеющиеся документальные сведения с тем, чтобы определить, каким образом создавался текст и какая из версий была основной, параллельно уточняя используемые историографом источники.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и трех приложений. Во введении дается познавательный очерк истории распространения латыни в Швеции в XVII веке и справедливо указывается связь этого процесса с системой образования; кроме того, дается весьма подробный обзор историографии этого периода и соответствующих исследований с привлечением большой библиографии. Из недостатков Введения необходимо сразу отметить отсутствие формулировки целей и задач исследования (об основном предмете исследования читатель узнает только на с. 77, а главный вопрос будет сформулирован только в Заключении на с. 147) и отсутствие обсуждения методологии исследования (она будет обсуждаться на с. 67, а затем чуть более подробно в связи с методом «дельты» в Заключении на с. 151). Указанные недостатки восполняет автореферат диссертации, так что читателю становится просто необходимым сначала ознакомиться с авторефератом, а лишь потом – с самой диссертацией.

Первая глава содержит биографию Видекинда, полный перечень его творений и описание исследуемого памятника. Здесь необходимо отметить кропотливую и самоотверженную (вплоть до аутопсии) работу, проделанную А.А.Ветушко-Калевичем, по составлению аккуратного перечня произведений, причем стихотворная часть сверяется с коллекцией Эльва, а также дополняется (впервые!) целой эпической поэмой (п. 24). К этому разделу можно сделать лишь два небольших замечания композиционного характера: подробное отступление про статью «Апология Юхана Видекинда» (с. 15-18) можно было бы опубликовать отдельно в виде небольшой рецензии, а в диссертации сократить или убрать в примечания как не относящиеся непосредственно к предмету исследования; кроме того, в перечне произведений текст

эпитафии Видеки Ларссону (п. 56) приводится целиком с сопутствующим добротным анализом – что выбивается из общего повествования и должно было быть убрано в приложения.

Затем А.А.Ветушко-Калевич переходит к описанию исследуемого памятника и обсуждает проблематику его названия, аккуратно собрав примеры аналогичных композитов. Однако, насколько можно понять, для шведского варианта названия это все-таки единственный случай – по сравнению с остальными примерами – использования *vthi*, что вызывает определенные вопросы и предположения: возможно, разница между *Bellum Sveco-Moscoviticum* и *Belli Svecici in Moschovia gesti* объясняется юридической стороной дела (о соответствующих интересах Видекинда сказано в диссертации) – в период Смутного времени русскую сторону трудно обозначить как страну, и приходится прибегать к географическому указанию. Соображение диссертанта про хронологическую натяжку, вызванную «отсутствием в классической латыни слов *novenn(al)is* и *octenn(al)is* при желании автора снабдить название войны каким-то эпитетом» (с. 43), также представляется недостаточно обоснованным: во-первых, это не применимо к шведскому заголовку, а во-вторых, трудно поверить в словообразование, столь сильно влияющее на хронологию и труд историографа.

На с. 46-51 А.А.Ветушко-Калевич предлагает ряд исправлений текста. Почти все они могут быть приняты безоговорочно, исправление *turbata vix* на *turbatrix* с опорой на Нарссия филологически весьма убедительно, а находка с непонятным *III* и *juxta* – просто весьма удачна и остроумна! Но за исключением последних двух пунктов всё остальное было бы слишком сильно называть конъектурами, как это делает диссертант, не говоря уже о том, что правомерность использования метода конъектур к новым текстам (тем более, что в данном случае, вероятно, речь идет не о рукописи, а о типографских ошибках) является дискуссионным вопросом (на недавней новолатинской конференции в память об О. Д. Никитинском в Москве этот вопрос вызвал весьма бурное обсуждение) и нуждается хотя бы в минимальном комментарии. Из частности нужно отметить, что обсуждая исправление *Svecis ut externis incolis* на *aut* (с. 266) диссертант не обращает внимания на вероятную неточность в русском переводе (хотя обычно не упускает возможности высказать критику) при передаче *hactenus non sveltis* как «шведам». Кроме того, при исправлении *Svecorum – Svionum* (с. 50) А.А.Ветушко-Калевич допускает, на наш взгляд, слишком категоричное высказывание «не мог допустить такую метрическую ошибку» (ср. заявление про метрические ошибки на с.26); ономастическая сторона вопроса при этом обсуждается минимально со ссылкой на Геландера.

Вторая глава дает краткий пересказ писем, содержащих сведения о создании «Истории», и особенно ценна тем, что в ней впервые подробно сопоставлены внешние свидетельства и формулируется гипотеза о латинском черновике Видекинда.

Третья глава, посвященная анализу литературных источников «Истории», демонстрирует кропотливую работу диссертанта: «нами были отмечены все фрагменты в латинском тексте Видекинда, которые целиком ... позаимствованы из Кобержицкого». Был произведен подсчет слов, взятых из источника, в том числе в контаминированных заимствованиях, а данные представлены в виде наглядной диаграммы (по поводу этой диаграммы можно было бы лишь высказать предложение нормировать столбцы по объему книг). Сопоставлению подвергаются выражения и лексика, композиция и даже образ мыслей. А. А. Ветушко-Калевич корректирует позицию Геймана о степени влияния Петра Петрея на Видекинда и очень убедительно реконструирует обстоятельства использования последним немецкой и шведской версии Петрея. При этом диссертанту удается разобраться в сложном сочетании источников, отчасти пересекающихся, - Кобержицкого, Петрея, Оксеншерны, Буссова – и с опорой на текст доказать, кем конкретно мог пользоваться Видекинд в том или ином случае. Кроме того, впервые дается полная расшифровка ссылок, содержащихся в приложении о Новгороде,

и приводится сопоставление с каталогом библиотеки Акселя Оксеншерны, что позволяет диссертанту сделать еще одно счастливое открытие.

Но главным открытием третьей главы является реконструкция истории создания произведения Видекинда: через латинский черновик – к шведскому переводу (с несколькими независимыми дополнениями) – и обратно к отредактированному латинскому изданию. Наиболее показательным (и блестящим!) примером является объяснение превращения числа 16 в 12 через предположительное написание XII в черновике (с. 85); примечателен также случай со «старинными историями» (с. 103).

Из недостатков анализа следует отметить концентрацию А. А. Ветушко-Калевича на исторических реалиях и образе мыслей в ущерб анализу стиля – сопоставление мест Кобержицкого и Видекинда сопровождается такой комментарий: «Собственно говоря, разница только в замене поляков на шведов с парой вытекающих из этого последствий»; при этом умалчиваются усилия шведского историографа по применению *variatio*, а русский перевод, даваемый диссертантом, искусственно сближает тексты (напр. в прим. 173-174 на с. 70 не отражено различие в *tam praevalido armorum robore*). *Variatio* А. А. Ветушко-Калевич лишь бегло затрагивает на с. 78 как «такого рода стилистические упражнения», а на с.126 называет этот прием *tour de force*. Стиль Видекинда обсуждается мимоходом на с.116, причем сопровождается не слишком уместным выпадом (прим. 323): «Жёсткую критику языка и стиля Видекинда со стороны В. Г. Геймана ... можно объяснить отчасти слабой начитанностью советского учёного в новолатинской литературе, отчасти заметным во всей статье стремлением представить королевского историографа жалким конъюнктурным писакой». Представляется, что более плодотворным направлением было бы потратить усилия не на критику предшественников, а на подробный анализ тех изменений, которые Видекинд вносит в текст источников и которые – на наш первый взгляд – местами обнаруживают очень неплохой латинский вкус, что одновременно вызывает большой вопрос применительно к тем местам, где латинский текст отличается от шведского (или от текста источника) в худшую сторону. Последнее нуждается в объяснении, причем вряд ли продуктивно, как сделано на с. 78, объединять неудачные замены синонимов и нечеткое написание слов в черновике.

В четвертой главе рассматриваются документальные источники. Стремление А. А. Ветушко-Калевича соотнести текст «Истории» с оригинальными документами (лишь местами по объективным причинам не осуществленное) позволяет ему сделать ценные наблюдения о том, что шведские письма Делагарди дословно цитировались в шведской версии, а в латинской версии подвергались переводу; тогда как иностранные письма – исходно латинские – подвергались ровно противоположному. Диссертант отслеживает число привлечений документальных источников и делает убедительные выводы об изменении характера работы с ними в книгах 3-10 по сравнению с книгами 1-2. В стремлении помочь исследователю мы хотели бы сделать лишь небольшой комментарий, что «труднообъяснимую оплошность» при переводе *supra Notheburgum* (с. 124) возможно могла бы прояснить параллель с известным – попавшим в словарь – местом из Ливия (Liv. XXIII 32): *Exercitus qui supra Suessulam Nolae praesideret*.

Пятая глава отведена стихотворениям, включенным в состав «Истории». А. А. Ветушко-Калевич делает весьма правдоподобное предположение о том, что некоторые из них должны были сопровождать иллюстрации, коих в издании оказалось меньше запланированного. Диссертант устанавливает принадлежность четырех стихотворений Нарссию (отмечая те изменения, которые внес в них Видекинд при заимствовании) и задается вопросом об авторстве оставшихся поэтических произведений. В общем и целом и постановка вопроса, и применяемый метод – сопоставление анонимных стихотворений с корпусом известных произведений Видекинда, вполне корректны, а сделанные автором выводы верны. Однако эта часть, предполагающая – по сравнению с остальной частью диссертации – наибольшее применение филологического

инструментария, вызывает больше всего вопросов. А.А.Ветушко-Калевич не привлекает существующие – в том числе и в отечественной филологии – работы как по проблематике атрибуции, так и по новолатинской поэзии (в автореферате предпринята попытка исправить это, но указаны только работы Либушкина и Воробьева, без упоминания П. Н. Беркова и некоторых других исследователей). Вместе с тем, не только частные замечания диссертанта, напр. «словообразованием такого рода новолатинский автор мог заниматься и без оглядки на словари» (с.138), не бесспорны, но и основной метод – аргументация авторства через метрическую позицию, в т. ч. отдельных слов – нуждается в дополнительном обосновании. Если же принять тезис о важности конкретной метрической позиции, то удивляет отсутствие античных параллелей к тексту, причем они могут быть не только простыми метрическими соответствиями (для стиха *Et per Hunc Sveciae subdidit illa caput* (с. 135) можно было бы привести *subdidit illa* –X у Проперция (I 13, 26) и *subditit -̃ caput* два раза у Сенеки (Herc. f. 70; Herc. O. 498); для стихов *Magne Tuae Gabriel Svedorum gloria gentis – Pallas Christina est, Suecanae gloria gentis* не учитываются как минимум Вергилий *proximus ille Procas, Troianae gloria gentis* (Aen. VI 767) и Овидий *o salve dixit Lapithaeae gloria gentis* (met. XII 530)), но и вероятными источниками (параллельные стихи *Ingens Sarmatico fulget in orbe decus – Quam late arctoum fulget in orbe decus* почти несомненно восходят – возможно, через какой-то стихотворный справочник - к Овидию *cum voluit puro fulget in orbe dies* (am. I 8, 10)). Отдельную проблему представляет стих *descripsit verbis foedera pacta suis* – с одной стороны, у Лукреция употреблено *foedera pacta* (III 781), правда, в несколько другой метрической позиции; с другой стороны, вообще характерная для классической поэзии – в отличие от Видекинда - тенденция к употреблению *foedera* в пятой, а не в четвертой стопе (за искл. Verg. Aen. XII 200) также нуждается в комментарии. Эти сведения легко получить из базы данных Packard Humanities Institute (и для полноценной работы они должны быть перепроверены и дополнены), но из списка литературы к диссертации нельзя понять, пользовался ли диссертант чем-то подобным.

В Заключении А. А. Ветушко-Калевич окончательно формулирует главный вопрос всей работы и дает на него аргументированный ответ – реконструкцию процесса создания шведской и латинской версий «Истории» Видекинда. Кроме того, в Заключении обосновывается значимость сделанного открытия для историографии, для истории новолатинской литературы, а также для истории формирования шведского литературного языка. При этом честно обозначаются нерешенные вопросы – основной: кем и как осуществлялся перевод с латинского черновика на шведский язык; побочные вопросы – уточнение источников отдельных мест.

Из приложений к работе огромную ценность представляет третье, содержащее разбивку текста «Истории» на части в соотношении с источниками, сопровождающуюся количественными показателями.

Указав недостатки отдельных глав, следует отметить и несколько общих недостатков. Работа в целом страдает некоторой небрежностью и непоследовательностью в оформлении: энциклопедические сведения об упоминаемых авторах иногда даются в тексте, иногда в примечаниях, иногда избыточны и не относятся к теме исследования (напр., арминианство Нарссия, с. 137), иногда даже повторяются; ссылки также иногда оформляются прямо в тексте, иногда в примечании, иногда просто упоминается автор (из мелочей – ошибка в указании *ibid.* в прим. 50 – ср. прим. 49; исследуемый текст почти везде обозначен как «История», но на с. 51 появляется аббревиатура HBSMD); переводы – кроме русского перевода «Истории» и перевода Аннинского – не приводятся, А. А. Ветушко-Калевич предпочитает давать свой перевод (оговорку об этом не удалось найти), по большей части точный и верный, но в некоторых местах с ним нельзя согласиться: в прим. 132 на с. 53 *non satis latini et florentis saeculi cultum redolens* «Попахивающий образованностью не вполне латинского и процветающего века» (кажется, наречие следует отнести к глаголу, перевод которого

неудачен), в прим. 134 на с. 54 *detur et haec licentia nobis, ac veneratio antiquitati* «Пусть же эта вольность и почтение перед древностью будут даны и нам» (если верен цитируемый текст, последнее слово стоит в дательном падеже), в прим. 321 на с. 115 *apud imeritissimi cuiusque promptas aures* «распространяется в готовых ушах всяческих глупцов» (стилистика); в прим. 150-154 на с. 59 *opus causa grave consilii multiplex fortuna varia gestum* «Рассказ о событиях, трудных в отношении причины, многоликих по замыслам, происходивших с переменным успехом» - в последнем случае непонятно, почему не учтен опыт переводчика Тацита (причем допущена досадная ошибка со стороны диссертанта – речь идет не об «Анналах», а об «Истории»); почему-то нет перевода немецких цитат.

В списке литературы есть определенные лакуны – не указан ряд отечественных работ по проблематике (ново-)латинской литературы (помимо указанных выше можно было бы упомянуть работы А. К. Гаврилова – прежде всего "Иностранные известия о восстании Степана Разина", Л.: Наука, 1975), по вопросам образования и рецепции античности (напр., А. И. Любжин), по латинскому языку (в «Началах латинской стилистики» А. И. Солопова есть сведения, имеющие отношение и к Швеции). Из словарей латинского языка указан только ДюКанж, чей труд представляется не самым релевантным для новолатинской литературы (у которой есть своя обширная лексикографическая традиция).

Основные претензии к работе в целом можно объединить в три группы. С точки зрения жанра текст тяготеет скорее к монографии, несколько нарушая традиционную композицию диссертационного сочинения: во Введении нет раздела о целях и задачах исследования и о методологии, замечания по методологии (весьма скупые) и по состоянию вопроса распылены по тексту и встречаются даже в Заключение; однако, отметим, очень важно, чтобы этот труд – после необходимых доработок и уточнений – был опубликован как монография. Вторая группа претензий – исторический, а не филологический уклон исследования: как уже отмечалось, диссертант много внимания уделяет соответствию исторических деталей и вопросам источников, бегло и не всегда последовательно анализируя стиль и иные филологические вопросы. Рассматриваемые произведения дают богатый материал по ономастике – *Svecia-Svetia-Svecica-Scandia, Russia-Roxolania*, разнообразные варианты написания «московитов» (кстати, А. А. Ветушко-Калевич нигде не комментирует правомерность и особенности употребления этого названия в русском языке, хотя по этому вопросу можно опереться на основополагающие работы Анны Леонидовны Хорошкевич) – и этот материал остается практически без внимания. Интереснейшие мифологические аллюзии почему-то спрятаны в прим. 291 на с. 103. Третья группа претензий – уклон в сторону изучения шведского языка по сравнению с латинским: и во Введении, и в Заключение обсуждаются перспективы исследования именно шведского языка, латинская лексика бегло затрагивается на с. 138, латинский синтаксис обсуждается в Заключение, причем с точки зрения влияния латинского синтаксиса на шведский язык.

Вместе с тем работа А. А. Ветушко-Калевича является самостоятельным, добросовестным и масштабным исследованием, демонстрирует свободное владение и умение оперировать с большими объемами латинского текста, увеличивается полноценным и значимым научным открытием, сделанным благодаря применению метода, используемого в классической филологии при реконструкции архетипа. Высказанные выше замечания ни в коей мере не умаляют научного значения диссертационного исследования. Не только общий вывод, но и многочисленные разбросанные по примечаниям и отдельным замечаниям штрихи показывают высокий филологический уровень работы А. А. Ветушко-Калевича, его талант в интерпретации запутанных или испорченных мест и скрупулезность в работе с материалом.

Данная диссертация соответствует п. 7 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение

задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний. Автореферат диссертации полностью соответствует основному содержанию работы. Ее оформление и структура отвечают требованиям ВАК. Научная добротность работы, ее основательность и новизна позволяют сделать вывод, что А. А. Ветушко-Калевич достоин присвоения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Отзыв составлен к.филол.н., доц. Алексеем Евгеньевичем Беликовым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры классической филологии филологического факультета, 14 мая 2018 года, протокол заседания № 2.

Заведующий кафедрой

д.филол.н., профессор А.И. Солопов

